

можа быць падбор фактаў (гэта таксама – «на жаль»), але не тэкст. Менавіта факты, прыклады павінны падштурхнуць слухача да самастойнай ацэнкі. Гэта дзейнічае сёння значна лепш.

Высновы

На жаль, даводзіцца канстатаваць, што заяўленыя характарыстыкі дзейнасці Службы інфармацыі Першага нацыянальнага канала Беларускага радыё не адпавядаюць рэчаіснасці. Слухач не атрымлівае аператыўнай інфармацыі пра падзеі ў краіне. Рашэнні галін улады, новыя заканадаўчыя акты не тлумачацца, не расказваецца, чаму яны важныя і патрэбныя. Ствараецца штучны бар’ер паміж чалавекам і палітыкай, дзейнасць органаў улады становіцца незразумелай, далёкай. Радыё забірае ў слухача-грамадзяніна магчымасць аналізаваць, ацэньваць, удзельнічаць у палітычным жыцці краіны.

ПОЛИТКОРРЕКТИРОВАНИЕ КЛАССИКИ

Е. А. Сосновская

Понятие политкорректности прочно вошло в сознание современного человека. Этот человек боится быть обвиненным в расизме, шовинизме, антисемитизме, гомофобии и проч., и проч.

Политкорректность проявляется как в нашей обыденной жизни, так и в мире литературном. В конце 20 века литературный процесс пополнился явлением, которое носит название политкорректирование классики.

Рецепт прост. Берется классическое произведение мировой литературы. Желательно, чтобы это был шедевр, книга на самом деле известная не просто в отдельно взятой стране, но и по всему миру. Еще одно условие – книга должна быть написана достаточно давно – настолько давно, что ее автор к этому времен уже должен с высот небесных взирать на своих суетливых читателей, то бишь быть усопшим. А затем новый автор переделывает классическое произведение в соответствии с канонами современной политкорректности, т. е. убирает из классики «сомнительные» эпизоды либо их переписывает.

В США ярким примером политкорректирования классики можно назвать роман афроамериканской писательницы Элис Рэндэлл «Ветер унесся». Догадайтесь с трех раз, какой именно роман мисс Элис переделывала. Родственники М. Митчелл подали на Рэндэлл в суд за незаконное использование «Унесенных ветром». На это Элис ответила встречным обвинением родственников писательницы в расизме. «Когда-то в Америке, – говорит она, – афроамериканцам было запрещено законом

читать и писать. Сегодня нашлись люди, пытающиеся чинить препоны черной женщине, решившей по-своему рассказать историю».

«По-своему» решила рассказать историю писательница Пиа Пера. В свое время Набоков весьма опрометчиво грозился отдать полцарства за перо новоанглийской романистки, которая сможет описать всю прелесть резко-голосой и блестяще-русой девочки, у которой «шейка была такая горячая и липкая, а лексикончик такой вульгарный – «отвратно», «превкусно», «первый сорт», «типчик», «дрипчик».

И романистка нашлась. Правда, итальянская, но не суть важно. Вот только из-под ее пера (из-под пера Пии Пера!) вышло произведение, главной героиней которого является американский подросток, насквозь пропитанный американским ура-патриотизмом и взглядами передовой феминистки.

Книга называется «Дневник Ло». Из предисловия (написанного, кстати, Дмитрием Набоковым) становится ясно, что зловредный Гумберт никого не убил и что Лолита жива, причем прекрасно себя чувствует замужем за своим слабослышащим муженьком господином Скиллером.

Пиа Пера решила переписать насквозь шовинистский и анти-американский роман Набокова о европейском извращенце на новый европейский лад.

Каждый изгиб романа, позволяющий ей СДЕЛАТЬ ЭТО, она использует для того, чтобы СДЕЛАТЬ ЭТО. А именно – выставить Гумберта полным идиотом, извергом и трусом от европейской утонченности. Можно перечислить основные положения, по которым Пера обвиняет Гумберта. Свои обвинения она, иногда не без изящества, обыгрывает в тексте «Дневника...».

1. Гумберт – шовинист и извращенец. Он презрительно и с пренебрежением относится ко всем взрослым женщинам (достаточно вспомнить Валерию и г-жу Гейз). Мужскому шовинизму Гумберта Пера противопоставляет рано сформировавшийся феминизм Лолиты. На день рождения Гумберт подарил Лолите роскошное издание «Русалочки». Лолита уже знакома с содержанием и с легкостью извлекает из сказки мораль – «Никогда не спасай мужчину!»

2. Лолита любит употреблять слово «матримониальный», а любимая ее фраза – мужчины глупы и ограничены.

3. В 12 лет у Лолиты была мания – она рисовала в дневнике огромных женщин с огромной грудью. А вот одна из дневниковых записей: «Гигантские груди на моих рисунках великолепны, и, если вы этого не понимаете, значит, это у вас мозги набекрень».

4. Гумберта, как любого робкого человека с сексуальным изъяном, легко было обмануть (что и проделала с ним крашенная бестия Валерия).

Но и в голову Гумберту не могло прийти, что обманывать и уловлять его будет ребенок-демон, карманная Кармен – сиречь, Лолита.

5. И эдемски банальное румяное яблоко, и небрежно покрашенные губы (так, что зубы казались слоновой костью, облитой вином), – все это – обычные женские уловки, хитро продуманные и тщательно исполненные. Лолита вполне профессионально завлекла Гумберта. Пока он своим бесовским паучиным почерком писал в комнате наверху дневничок, Ло изучала пособие «Как подцепить мужчину: сто один способ победить» (рецензия Лолиты: «Сочная штука!»). (Вскоре, однако, она уже жалеет о проделанном обольщении, ибо «любовник из Гумберта оказался никудышний» – Лолита имеет в виду технику.)

6. Гумберт – антиамериканский чистюля.

7. Осматривая ванную комнату госпожи Гейз, Гумберт презрительно отметил и внутренне содрогнулся при виде резиновой кишки душа, эдакого свернувшегося змеей шланга. В романе Пера Лолита гневно предлагает Гумберту прочитать отчет американского журналиста, недавно побывавшего в послевоенном Париже, где ему пришлось мыться не то, что в душе – в тазу! Лолита полна благородного негодования. Но девочка, очевидно, забывает, что образчиком для Гумберта-чистюли служили не парижские душевые, а роскошные мраморные ванные комнаты отеля «Мирана», в котором он провел свое детство.

8. Гумберт – любитель французской поэзии.

9. Лолита называет стихотворные строки, которые Гумберт бесконечно цитирует, «тошнотворными». Пера подчеркивает, что эта заплесневелая поэзия, а уж тем более изыскания Гумберта вроде «Прустовская тема в письме Элиота к Бейли» никому не нужны в современном прозаическом мире.

10. Гумберт – энтомолог.

11. Пера вскользь касается этой темы: в «Дневнике» Лолита коллекционирует пауков (в память об отце, занимавшемся тем же самым) – возможных убийц возможных бабочек.

12. В «Лолите» – самом «небабочковом» романе энтомолога Набокова – автор все же не обошелся без любимых чешуекрылых: в лагере «Кувшинка», в кабинете начальницы Шерли Хольмс, на стене была «еще живая цветистая бабочка, надежно приколотая к стенке».

13. А Гумберт в «Дневнике...» малюет «отвратный», по мнению Лолиты, рисунок – «наклоненная Пизанская башня, а вокруг летают бабочки». Получился как будто фрагмент теста по психоанализу. И почему башня Пизанская? Почему не Эйфелева?

14. Гумберт, уныло ностальгирующий по прошлому.

15. В «Лолите» достаточно места Набоков отводит гумбертовским воспоминаниям «о той, изначальной девочке», Аннабель Ли, первой любви Гумберта. В «Дневнике...» Лолита презрительно замечает, что Гумберт постоянно упоминает о «какой-то маленькой сучке Аннабель».

16. Мать Гумберта умерла весьма романтично – от удара молнии, когда стояла на горе под проливным дождем. Младший брат Лолиты, Нельсон, в юном возрасте погиб от удара тока. А потом у Ло появился хомячок – она назвала его «Нельсон Второй». Он трагически погиб на электрической лампочке (Ло наказывала хомячка за то, что он ее укусил – держала его над медленно нагревающейся лампочкой).

17. Мораль: не стоит убиваться по прошлому. Настоящее воспользуется вашей ностальгией, превратив ее в фарс.

18. Гумберт – обладатель гадких привычек.

Лолита откровенно, без эвфемизмов, рассказывает о пристрастии Г. к содомии и привычке не закрывать дверь в туалет.

На глазах читателя Пера превращает Г. в настоящее пятиное чудовище с беззубым ртом, грустными глазами и фаллосом длиной в фут. Мы чувствуем к Г. отвращение. Да и к Лолите тоже – она вульгарна, беспринципна, без комплексов. Она далеко пойдет, а если ей понадобится – то пойдет по трупам.

Политкорректность европейской писательницы проявилась в американизации «Лолиты». Тут уж не остается никаких сомнений, кто кого соблазняет – Старая ли Европа Молодую Америку или Молодая Америка Старую Европу. В конце концов, от этого странного американского урапатриотизма начинает сводить скулы.

Роман г-жи Пера очень изящно вписался в современную традицию политкорректирования классики. Гамма отзывов на роман весьма разнообразна. Одни критики называли роман грубо раскрашенным бульварным чтивом (и в чем-то недалеко ушли от истины), вторые говорили, что роман «непристойный» (хотя примерно то же самое можно было в свое время услышать и о романе Набокова). Третьи критики выражаются весьма метафорически, сравнивая романы такого толка с кукушечьими яйцами, подброшенными в чужие литературные гнезда. Нашлись и хвалебные отзывы. Пера называли умной свободолюбивой итальянкой, примерившей на себя лолитинский плащ.

В любом случае, успех произведений такого толка – а их уже немало на современном литературном пространстве – свидетельствует о том, что скоро мы будем говорить о политкорректировании классики, об этой стерилизации литературы на новый лад не как о литературном явлении, а как о литературной тенденции и даже о литературном направлении.